

ВОСПОМИНАНИЕ

О ЗИМНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1859 ГОДА

ВЪ ЧЕЧНѢ.

I.

Получивъ приказаніе отправиться въ чеченскій отрядъ, я выѣхалъ изъ Тифлиса 2-го января 1859 года съ небольшою поклажею и съ твердою увѣренностію быть на другой день во Владикавказѣ. Погода, впрочемъ, ничего хорошаго не предвѣщала, потому что еще часа за два до моего отъѣзда пошелъ сильный дождь, вскорѣ обратившійся въ снѣгъ. Но на это первое неудобство я не обратилъ вниманія и въ довольно пріятномъ расположеніи духа доѣхалъ до Мцхета, гдѣ, въ станціонной комнатѣ, засталъ двухъ проѣзжихъ за самоваромъ.

— Не угодно ли чаю? предложилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, когда я снялъ мокрую бурку и стрихивалъ съ башлыка снѣгъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, нерѣшительно поглядывая на проѣзжихъ.

— Безъ церемоніи, замѣтилъ тотъ же, наливая мнѣ стаканъ чаю.

Лицо этого проѣзжаго было мнѣ знакомо; но я не могъ припомнить, гдѣ и когда видалъ его, что случается нерѣдко со странствующими по нашему обширному отечеству. Достаточно было знать, что это ветеранъ кавказской арміи, возвращавшійся изъ какой-то командировки въ Тифлисъ. Рассказы его были для меня утѣшительны въ томъ отношеніи, что пред-

стоявшую мнѣ станцію, по случаю сильнаго снѣга, я могу проѣхать часовъ въ пять или въ шесть.

Черезъ полчаса мы разѣхались въ разные стороны. Было уже часовъ восемь вечера. Снѣгу оказалось дѣйствительно много.

— Эка подумаешь — говорил мой ямщикъ, поглядывая по сторонамъ—то ли дѣло бы на саняхъ: мигомъ поспѣли бы!

Я былъ совершенно согласенъ съ его мнѣніемъ; но горю пособить было нечѣмъ, потому что, по словамъ того же ямщика, на станціи саней не имѣлось.

Колокольчикъ глухо звенѣлъ; снѣгъ валилъ широкими хлопьями; лошади бѣжали легкою рысью; я погружался въ неопредѣленное состояніе полудремоты. Знакомая мѣстность, знакомая дорога представлялись мнѣ незнакомыми. Мысли мои безпрестанно путались. Повременамъ лай собакъ со стороны ближайшихъ хуторовъ и духановъ выводилъ меня на нѣсколько минутъ изъ непріятнаго оцѣпенѣнія. Нѣтъ!... Скучно ѣздить по ночамъ вообще, а въ такую погоду въ особенности.... Такъ заключилъ я, подѣзжая къ Душету, и твердо рѣшился переночевать тамъ.

Былъ часъ первый пополуночи. Въ средней комнатѣ гостиницы горѣла свѣча. На столѣ стоялъ самоваръ, а на диванѣ спалъ проѣзжій, завернувшись въ шинель. Я спросилъ у сторожа комнату, а онъ указалъ мнѣ на диванъ въ той же комнатѣ. Мнѣ ничего не хотѣлось: ни ѣсть, ни пить, ни спать; но я предпочелъ испытать послѣднее, потому что больше дѣлать было нечего.

Въ то время на станціяхъ военно-грузинской дороги была заведена новая мебель: столы, диваны, табуреты, диваны съ ящиками, въ которыхъ хранились сафьянные тюфяки, готовые къ услугамъ проѣзжающаго.

Всталъ я очень рано, такъ рано, что до разсвѣта успѣлъ напиться чаю, не потревоживъ проѣзжаго: онъ спалъ, какъ убитый.

Часовъ въ шесть я послалъ за лошадьми и получилъ удовлетворительный отвѣтъ: „сейчасъ будутъ“. Въ ожиданіи я принялся наблюдать: посмотрѣлъ на старую крѣпостную стѣну, потомъ направо и наконецъ налѣво. Изъ всѣхъ наблюденій оказалось только то, что снѣгу ночью прибавилось очень много. Снѣговья тучи покрывали весь горизонтъ....

Такъ прошло около часу времени; но лошади не являлись. Нужно было повторить посольство къ старостѣ. Но и вторичное посольство не помогло: я прождалъ еще часа два. Наконецъ я выѣхалъ въ санихъ, и послѣ труднаго пути, при жестокѣмъ вѣтрѣ и вьюгѣ, добрался до Ананура. Здѣсь староста предложилъ мнѣ ѣхать верхомъ, потому что иначе и слѣдовать было невозможно. Черезъ полчаса я уже тащился по едва проложенной въ глубокомъ снѣгу тропинкѣ, имѣя въ авангардѣ ямщика съ вьючною лошадей. Не видно было ни одного живаго существа; вездѣ бѣлѣлся снѣгъ; одна темная полоса Арагвы разнообразила однообразный видъ.... Такое странствованіе продолжалось верстѣ четырнадцать, и я рассчитывалъ чрезъ полтора часа пить чай въ Пасанаурѣ. „Жаль только—думалъ я—что рано пріѣду: дѣлать будетъ нечего.“ Вышло совсѣмъ не такъ.... Въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ ямщикъ мой исчезъ вмѣстѣ съ лошадей въ глубокомъ снѣгу и едва выбрался на болѣе твердый грунтъ. Осмотрѣвъ внимательно дорогу, онъ объявилъ, что далѣе тропинки нѣтъ. Что оставалось дѣлать? Вернуться и посмотреть, нѣтъ ли гдѣ поворота. Съ величайшимъ трудомъ повернувъ свою лошадь, я точно нашелъ поворотъ, но куда? прямо въ кручу, въ одинъ изъ рукавовъ Арагвы. Далѣе виднѣлась тропинка къ Арагвѣ. Показавъ ямщику поворотъ, я выразилъ сомнѣніе въ возможности спуститься почти съ отвѣсной высоты, не сломавъ шеи; но ямщикъ мой привелъ два убѣдительные аргумента: первое, что здѣсь же, вѣроятно, проѣхала предъидущая экстра-почта, и второе, что „не ворочаться же назадъ“, и мы рѣшили воспользоваться единственнымъ путемъ.

— Когда это здѣсь такъ много выпало снѣгу? спрашивалъ я ямщика, мрачно посматривая въ кручу.

— Да третьягодня выпало въ колѣно, да вчера въ колѣно — вотъ и навалило....

Переправа совершилась очень просто: я слѣзъ съ лошади и скатился прямо въ воду; за мной послѣдовала лошадь, понуждаемая сзади ямщикомъ. Мнѣ удалось поймать ее при переходѣ чрезъ рукавъ, послѣ чего я отправился отыскивать дальнѣйшій путь. За Арагвой виднѣлся подъемъ; но тропа, казалось, шла въ гору, въ одинъ изъ ауловъ. Выбирать было не изъ чего, и потому я немедленно началъ переправу чрезъ быструю рѣку. Осторожная лошадь вынесла меня на другой

берегъ, гдѣ я остановился подождать ямщика. Тропинка оказалась гораздо неудобнѣе первой и шла лѣсомъ, по неровной мѣстности. Вѣтеръ сдувалъ снѣгъ съ деревьевъ и сыпалъ его на насъ. Ямщикъ мой промокъ, замерзъ и громко жаловался на безвременье. Я ѣхалъ молча впереди. Вдругъ тропинка раздѣлилась надвое, и я остановился въ недоумѣніи, котораго ямщикъ не могъ разрѣшить. Онъ говорилъ:

— А кто ее знаетъ, по которой и ѣхать! Нѣтъ, баринъ, отсюда, кажется, не выберешься.... здѣсь и ночевать придется.... Здѣсь, въ проклятой сторонѣ, и жизнь-то кончишь. Вотъ до чего дожилъ.... прости Господи! и умрешь какъ собака.

Ямщикъ заплакалъ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но сказать ничего не нашелъ. Попробуемъ еще, подумалъ я, пуская лошадь по лѣвой тропинкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы подѣхали къ Арагвѣ, и—о ужасъ!—слѣдъ тропинки исчезъ, а спускъ въ рѣку былъ почти отвѣсный. Я слѣзъ съ лошади и, не зная что дѣлать, смотрѣлъ на воду.

— Тутъ развѣ одинъ чортъ можетъ проѣхать, сказалъ я громко.

— Ничего, баринъ, садитесь и поѣзжайте.

Больше, впрочемъ, и дѣлать ничего не оставалось: вернуться назадъ было невозможно, спуститься пѣшкомъ значило скатиться прямо въ глубокую воду. Я рѣшился ѣхать. Лошадь долго не шла.... Шагъ, два, и я едва удержался, единственно благодаря высокой передней лукѣ. Это былъ критическій моментъ. Я сознавалъ, что непремѣнно упаду въ воду, а между тѣмъ, именно въ этотъ самый рѣшительный мигъ, мнѣ захотѣлось обернуться и сказать ямщику: „А что? видишь: я падаю“. Дѣйствительно, я обернулся; но это послужило мнѣ въ пользу, потому что я почти упалъ на спину лошади, не успѣвъ сказать ничего.... Въ руслѣ рѣки ядохнулъ свободнѣе и снова благополучно переправился на другой берегъ. Почти всю остальную часть пути мы ѣхали по водѣ. Стемнѣло. Пасануръ долженъ быть недалеко. Переѣздъ въ 21 версту продолжается уже семь часовъ....

Слава Богу! Вотъ мелькнулъ огонекъ, и сердце мое возрадовалось... Лишь только вошелъ я въ станціонную комнату, какъ ко мнѣ стали являться должностныя лица за свѣдѣніями о дорогѣ и удивлялись, какъ я могъ проѣхать. Изъ рассказовъ ямщиковъ,

привезшихъ экстра-почту, въ Пасанарѣ составилось убѣжденіе, что ни пройти, ни проѣхать не представлялось рѣшительно никакой возможности. Такъ и было на самомъ дѣлѣ: я прожилъ на станціи три дня, прежде чѣмъ открылось вьючное сообщеніе, хотя снѣгу уже не прибавлялось.

На четвертый день, когда тропинка была открыта, мы, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые, подобно мнѣ, ждали пути, выѣхали верхомъ часовъ въ десять утра. Разработка дороги не была еще кончена, и потому мы принуждены были вскорѣ спуститься къ Арагвѣ и потомъ опять подниматься. Въ помощь намъ дали съ работы пятерыхъ солдатъ. При первомъ же подъемѣ, почти всѣ вьючныя лошади попадали: изъ нихъ одна прямо скатилась въ рѣку, а другая до такой степени опустилась въ снѣгъ, что ее принуждены были отрывать лопатами. Только къ вечеру добрались до Квишетъ (въ 4½ верстахъ отъ станціи), гдѣ сдѣлали маленькій роздыхъ. Когда я снова сѣлъ на лошадь, мнѣ представилась величественная картина: снѣжный хребетъ противоположныхъ горъ постепенно освѣщался луной, и свѣтъ, ярко отдѣляясь отъ тѣни, обрисовывалъ фантастическія фигуры. Нельзя было не заглядѣться на это необыкновенное зрѣлище суровой природы. На небѣ ярко блистали звѣзды; кругомъ царствовала таинственная тишина.... Не ранѣе девятаго часа подъѣхалъ я къ крыльцу станціоннаго дома въ Кайшаурѣ. Утро слѣдующаго дня мы провели въ ожиданіи открытія дороги. Завѣдывающій работами, линейнаго баталіона капитанъ, человѣкъ солидной наружности, увѣрялъ, что мы можемъ выѣхать въ двѣнадцать часовъ. Однако только часа въ четыре пополудни изъ Коби пришла экстра-почта, а черезъ полчаса всѣ мы скакали по узкой дорогѣ. Лошади были запряжены такъ: двѣ впереди и одна въ корню. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были расчищены горные завалы, дорога проходила между двухъ высокихъ (до трехъ сажень) стѣнъ чистаго снѣга; вѣтерокъ игралъ на ближнихъ вершинахъ, угрожая новыми завалами....

Отъ Коби, гдѣ я остался ночевать, простившись съ моими спутниками, до Казбека, плохія лошади тащили меня не менѣе трехъ часовъ. Во Владикавказѣ я прожилъ, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, около двухъ недѣль, и въ послѣднихъ числахъ января прибылъ въ Грозную.

Переѣздъ отъ Грозной до Воздвиженской я совершилъ очень

пріятно. Мѣста привлекательныя; солнце свѣтило и грѣло; снѣгъ таялъ; зима, казалось, навсегда оставляла край. Такъ какъ я ѣхалъ на санихъ, то переѣздъ тридцати верстъ по весенней дорогѣ и на парѣ тощихъ казачьихъ лошадей продолжался часовъ шесть, слѣдовательно я имѣлъ полный досугъ любоваться окрестностями. Но Воздвиженская уже недалеко, тамъ, за „пустымъ курганомъ“... Что это за пустой курганъ? подумалъ я, и уже впоследствии узналъ слѣдующее:

Первоначально курганъ не былъ пустой и отличался отъ другихъ кургановъ только тѣмъ, что стоялъ отъ крѣпости на вѣрный пушечный выстрѣлъ. Сюда иногда чеченцы привозили пушку и стрѣляли по ненавистой имъ крѣпости, всегда ускользая при выступленіи нашихъ войскъ. Эта потѣха наконецъ намъ надоѣла: было рѣшено заложить тамъ мину и поднять на воздухъ непрошенныхъ гостей посредствомъ гальванизма. Саперный офицеръ, на котораго было возложено порученіе соединить проволоку съ гальванической батареей при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ, увѣрилъ всѣхъ и каждаго, что при взрывѣ мины произойдетъ страшный гулъ и что не успѣха ожидать невозможно. Прошло нѣсколько дней—непріятель не являлся. Въ крѣпости уже полагали, что горцы узнали о нашихъ намѣреніяхъ и, чего добраго, утащатъ и мины. Прошла еще недѣли, прошла и другая—нѣтъ никого.... Въ одну темную ночь, вдругъ раздался выстрѣлъ, другой, третій.... Саперный офицеръ сидѣлъ гдѣ-то въ гостяхъ, но, услышавъ выстрѣлъ непріятельскаго орудія, побѣжалъ къ мѣсту батареи, приложилъ къ ней проводникъ и.... ни шума, ни звука.... Саперъ заключилъ, что или проволока порвана, или мина унесена... Вѣрно только то, что результата не оказалось никакого. Выстрѣлы однакожъ прекратились, и это обстоятельство только усилило подозрѣніе главнаго начальника, вслѣдствіе чего вылазки не производили. На другое утро извѣстный курганъ представлялъ необычайное зрѣлище: вмѣсто зеленѣющей поверхности, видны были черныя, неровныя полосы. По осмотрѣ обнаружилось, что курганъ былъ взорванъ. Разказы лазутчиковъ пояснили все происшествіе. Горцы, ничего не подозрѣвая, собрались въ роковую ночь для той же цѣли, т. е. поднять тревогу, пострѣлять и ускользнуть; но послѣ третьяго выстрѣла слѣдовалъ взрывъ, пушка скатилась съ кургана, нѣсколько человѣкъ были убиты, наибъ Талгикъ полузасыпанъ землею. Горцы разбѣжались, оставивъ

наиба, пушку и убитыхъ товарищей. Только къ утру рѣшились они приблизиться къ кургану, освободили наиба, увезли пушку и трупы и болѣе крѣпости не беспокоили. Оригинальный разсказъ чеченцевъ о взрывѣ, между прочимъ, выражался такъ: „*пушка стрѣляй, земля стрѣляй, и Талика мало-мало земля кушай*“.

Несмотря на близость Воздвиженской къ театру военныхъ дѣйствій, знакомый офицеръ, у котораго я остановился, и его общество рѣшительно ничего не вѣдали, гдѣ и что теперь дѣлаетъ отрядъ. Я едва добился узнать, когда отправляется туда оказія. Оказалось, что нужно было выѣхать на другой день, рано утромъ.

Такъ я и сдѣлалъ. Пробили „по возамъ“, потомъ сборъ, и я отправился за Аргунъ, гдѣ собиралась оказія. Утро было прекрасное. Видъ Воздвиженской, со стороны рѣки, не лишенъ живописности, особенно при освѣщеніи восходящаго солнца. Аргунъ катитъ свои быстрыя волны по нѣсколькимъ протокамъ, чрезъ которые устроены мосты сомнительной прочности. Направо ущелье; далѣе горы, покрытыя лѣсомъ; прямо подъемъ на противоположный берегъ Аргуна. И новое мѣстоположеніе, и дѣйствительныя красоты его занимали меня. Оказія состояла изъ нѣсколькихъ полковыхъ фуръ, изъ многихъ аробъ и саней чеченцевъ, перевозившихъ провіантъ; съ ней слѣдовали два-три офицера; въ прикрытіи была рота Куринскаго полка. Еще кого-то ожидали. Ко мнѣ подошли нѣсколько чеченцевъ и попросили табаку; я далъ имъ немного для перваго дебюта, но въ то же время сообразилъ, что впослѣдствіи быть столь щедрымъ въ отрядѣ не приходится.

Часовъ въ семь оказія двинулась. Впереди шла часть прикрытія, за ней ѣхали полковыя фуры и нѣкоторые всадники (къ числу которыхъ принадлежалъ и я), потомъ тянулись арбы и сани чеченцевъ. Дорога, очевидно, весьма недавняго происхожденія, проходила среди вырубленнаго лѣса. Сначала трудно было рѣшить, на чемъ выгоднѣе ѣхать: на колесахъ или на саниахъ, потому что оба средства представлялись одинаково неудобными; но, по мѣрѣ восхожденія солнца, оказывались всѣ невыгоды санной ѣзды. Первые остановки мы терпѣли отъ плохаго устройства аробъ, а послѣдующія отъ дурной санной дороги. Такой способъ передвиженія для меня былъ новъ, а потому я нисколько имъ не тяготился; но для другихъ, испытывав-

шихъ его пріятности. казался крайне стѣснительнымъ. Не обошлось и безъ приключеній: при спускѣ въ оврагъ, маркидантская повозка опрокинулась вмѣстѣ съ тройкой лошадей, а проводникъ упалъ отъ нея въ сторону, перевернувшись нѣсколько разъ по покатоcти. Солдаты засмѣялись и хладнокровно пошли помогать пострадавшему маркиданту. Опамятовшійся проводникъ тотчасъ освѣдомился, не разбилась ли бутылка съ водкой, лично для него предназначенная. Убѣдившись въ ея цѣлости, онъ успокоился.

Но вотъ и отрядъ. Это былъ вагенбургъ, солдатами называемый „оленбургъ“. Драгуны, казаки и милиціонеры расположились нѣсколько впереди, артилерія стояла близъ засѣки, нѣхота сидѣла въ засѣкѣ. Вездѣ движеніе, пѣсни, музыка. Мѣстоположеніе веселое, подъ названіемъ *Баса-ансерды*. Я думалъ, что здѣсь мнѣ придется прожить нѣсколько дней, считая это за расположеніе главнаго штаба чеченскаго отряда; но мнѣ надлежало проѣхать гораздо далѣе, отыскивая настоящее мѣсто расположенія главнаго отряда. Надлежало, въ добавокъ, отыскивать, потому что никто объ этомъ навѣрное не зналъ. Оказія двинулась далѣе; я отправился за ней, досадуя на свою ошибку и утѣшая себя тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, буду почевать въ главномъ отрядѣ.

Отъ вагенбурга дорога шла по ущелью, и какъ она была только-что разработана, то не представляла особенныхъ удобствъ для перевозки тяжестей. Всѣ сани остались почевать въ грязи. Чѣмъ далѣе мы углублялись въ ущелье, тѣмъ замѣтнѣе было, что здѣсь недавно прошелъ отрядъ: по скатамъ горъ лежали срубленные деревья, по дорогѣ видѣлись подуразрушенные солдатскіе шалаши и мѣста палатокъ; нерѣдко попадались разоренныя сакли непріятельскихъ ауловъ.... Невольно какъ-то чувствовалось, что здѣсь совершались событія рѣшительныя. Намъ встрѣчались малочисленныя партіи чеченцевъ, теперь мирныхъ и спокойныхъ, но еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ нашихъ непримиримыхъ враговъ. Угрюмо смотрѣли они на незваныхъ гостей, безпрестанно прибывавшихъ въ главный сборъ, по призыву хорошо извѣстнаго имъ вождя. Темнѣе и темнѣе становилось ущелье; постепенно исчезала дорога и наконецъ пропала совершенно: мы поѣхали по водѣ. Къ счастью, до Таузеней недалеко....

Здѣсь я еще разъ узналъ, что главный штабъ отряда рас-

положенъ гораздо дальше, близъ аула Ведень. Еще разъ по-досадовалъ я на свою ошибку и расположился ночевать подъ открытымъ небомъ, потому что другихъ помѣщеній не было. Такимъ же способомъ расположились не только тѣ, которые прибыли со мной, но размѣстилась и цѣлая оказія изъ главнаго отряда. Долго не умолкали шумъ, крики, долго не прекращалось движеніе: готовились выступать завтра рано....

Ночь была, какъ водится, холодная. На разсвѣтъ мы были уже на ногахъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что дорога до главнаго лагеря довольно хороша и что ея единственные неудобства двѣ или три балки, отчасти крутыя; разстояніе же, по приблизительному счету рассказчика, не превышало 18 верстъ. Утро было ясное, свѣжее; видъ кругомъ живописный; мѣстоположеніе временнаго укрѣпленія Таузеней избрано удачно. За рѣчкой виднѣлся разоренный аулъ. Снѣгу было еще очень много. Оказіи здѣсь ходили только вьючныя. Медленно собиралась наша оказія за укрѣпленіемъ: двинулись мы въ путь не ранѣе какъ чрезъ два часа ожиданія. На разстояніи верстъ десяти дорога сохраняла еще репутацію хорошей; но оврагъ близъ аула *Эмэстенджн-акъ* испортилъ ее: спускъ по скалистому грунту и подъемъ среди дремучаго лѣса не сулили ничего привлекательнаго. Мы, правда, выбрались на ровную дорогу, однако не надолго: намъ предстоялъ другой спускъ, по которому нельзя было ѣхать на лошади, а далѣе, за широкимъ оврагомъ, можно было подниматься на гору только съ опасностію сломить себѣ шею. При этомъ я не могъ не обратить особеннаго вниманія на рубку лѣса, дѣйствительно производившуюся кругомъ. Шумъ падающихъ деревьевъ былъ оглушителенъ и страненъ: въ этихъ звукахъ какъ будто слышался болѣзненный вопль побѣжденной природы, покинутой своими защитниками. И много разъ прислушивался я въ послѣдствіи къ этому шуму, но всегда онъ возбуждалъ во мнѣ первоначальныя ощущенія. Лѣсъ былъ большой, строевой; срубленные деревья лежали будто безжизненные великаны. Солдаты, занятые рубкой, казались карликами въ сравненіи съ высокими и толстыми деревьями (*). Охотно вѣрю рассказамъ о томъ, что рубка лѣса имѣетъ своихъ жаркихъ поклонниковъ, страстныхъ любителей: въ ней много чарующей прелести, разумѣется,

(*) Нѣкоторыя деревья достигали болѣе десяти сажень длины и до двухъ аршинъ въ діаметръ.

не для работающихъ, но для наблюдающихъ за работой. И таинственная, непроницаемая мѣстность, и крутые скаты, по которымъ падаютъ срубленные деревья, и рѣзкій, иногда подобный пушечному выстрѣлу, звукъ, все это увлекательно по своей неопредѣлимости. На лѣвомъ крылѣ кавказской линіи былъ извѣстенъ одинъ полковникъ, который шелъ на рубку лѣса, какъ на праздникъ: его называли *льсорубъ*.

Съ большимъ трудомъ поднялись мы на гору и слѣдовали по вершинѣ ея, еще покрытой лѣсомъ. Дорога извивалась по гребню горы; съ обѣихъ сторонъ были глубокіе овраги. Оказія наша растянулась на значительное пространство — часть ея еще только подходила къ противоположному спуску; на ближайшей вершинѣ горы виднѣлся пикетъ. Вскорѣ мы начали спускаться съ горы, при чемъ одна часть спуска оказалась такою, что всѣ лошади скатывались по ней, садясь на заднія ноги. Опять подъемъ, опять лѣсъ; опять разрабатывали болѣе удобную дорогу.... Еще одинъ, послѣдній спускъ, по которому необходимо было идти пѣшкомъ, по колѣно въ грязи и безпрестанно скользя по льду, прикрытому глиной.

При спускѣ мнѣ представилась обширная долина, съ одной стороны ограниченная оврагомъ, по которому течетъ рѣка Хул-кулау, и со всѣхъ сторонъ окруженная горами различныхъ очертаній. Здѣсь обширный лагерь главнаго чеченскаго отряда, казалось, охватывалъ непріятельской аулъ (въ сущности онъ былъ расположенъ на мѣстѣ оставленнаго, но не разореннаго аула *Джантимуръ*); вся долина была покрыта снѣгомъ, только въ лагерь чернѣла земля; движеніе пѣхоты и кавалеріи придавало всему видъ одушевленія. Я стоялъ на такой высотѣ, что вся долина являлась предо мною въ планѣ; но, сходя съ горы, я мало по малу сравнивался съ горизонтомъ ея и наконецъ спустился ниже. Подняться къ лагерю по разработанной дорогѣ было не трудно.

II.

Было четыре часа, когда я пріѣхалъ въ главный лагерь. Я помѣстился въ одной палаткѣ съ моимъ добрымъ знакомымъ, Николаемъ Ивановичемъ Б*, прикомандированнымъ, подобно мнѣ, къ штабу главнаго чеченскаго отряда. Черезъ часъ я уже успѣлъ явиться къ кому слѣдовало и, такимъ образомъ, вступилъ въ права походнаго человѣка. Обязанности мои еще не были

опредѣлены, но надлежало ожидать, что безъ дѣла не останусь. Я былъ всѣмъ доволенъ: и новостію своего положенія, и радушіемъ моего пріятеля, и непрерывнымъ разнообразіемъ, движеніемъ. Верстахъ въ двухъ отъ мѣста нашего лагеря виднѣлись аулъ Ведень и его отдѣльныя укрѣпленія. Въ зрительную трубу можно было замѣтить тамъ усиленную дѣятельность. Чеченцы и тавлинцы, защищавшіе этотъ аулъ, занимались подноскою матеріаловъ для своихъ укрѣпленій; они безпрестанно поднимались и спускались съ горы по извилистой дорожкѣ. Впрочемъ, носились слухи, что недолго они продержатся въ своей крѣпкой позиціи, хотя у насъ не замѣтно было никакихъ рѣшительныхъ приготовленій къ приступу. Вечеромъ можно было слышать пѣсни солдатъ, но отходить отъ палатки не хотѣлось, потому что кругомъ лежала невылазная грязь. Вблизи палатокъ были устроены коновязи, на которыхъ лошади глубоко-мысленно посматривали по сторонамъ, съ нетерпѣніемъ ожидая вечерней порціи овса и сѣна. Добрые кони не были избалованы: фуражъ отпускался имъ съ крайнею умѣренностію, потому что въ главный отрядъ его доставляли изъ Таузеней и изъ ближайшихъ крѣпостей. Къ ночи нѣсколько подмерзло, покрайней мѣрѣ до такой степени, что можно было походить около палатки. Многочисленные костры въ различныхъ мѣстахъ нашего обширнаго лагеря представляли интересный видъ, среди ночнаго мрака и при неясныхъ очертаніяхъ сосѣднихъ горъ.

Я спалъ такъ хорошо и спокойно, что могъ бы возбудить зависть во многихъ, почивающихъ въ великолѣпныхъ чертогахъ на мягкихъ тюфякахъ, если бы эти сибариты имѣли на столько воображенія, чтобы перенестись въ боевой станъ на горахъ кавказскихъ. Считаю не лишнимъ описать внутреннее убранство нашей палатки. Важнѣйшія мѣста, по обѣимъ сторонамъ входа, были заняты кроватями, изъ которыхъ одна, принадлежавшая мнѣ, отличалась своею оригинальнію. Она состояла изъ шести колышковъ, вбитыхъ въ землю, съ продольными и поперечными палками, связанными въ разныхъ мѣстахъ веревками. Все это было прикрыто войлокомъ, буркою и одѣяломъ, что придавало ей, должно признаться, видъ, необщавшій особенной прочности: садился и ложился я на нее всегда съ тайнымъ опасеніемъ за свою невредимость. Между кроватей, у задней стороны палатки, стоялъ столъ, т. е. четыре толстые кола, вершины которыхъ не образовывали го-

ризонтальной плоскости, были покрыты длиннымъ и скоробленнымъ лубкомъ, доставшимся моему пріятелю по наслѣдству отъ какой-то сакли. Установленный такимъ способомъ столъ имѣлъ очевидную покатость къ одной сторонѣ и испытанныя неудобства со всѣхъ сторонъ, но никогда не подвергался опасности быть въ чемъ-либо исправленнымъ. На столѣ постоянно помѣщались самоваръ, чайникъ, стаканы, бутылки, сыръ, хлѣбъ, сушеная рыба, книги, зеркало, щетки; нѣкоторыя вещи произвольно передвигались и нерѣдко падали на полъ, не производя на насъ впечатлѣнія. Подъ столомъ была выкопана яма для углей, поддерживавшихъ теплую температуру въ палаткѣ, только ненадолго. Свободная часть палатки, т. е. мѣсто между кроватями и столомъ, была также покрыта лубкомъ, скоробленнымъ до такой степени, что по срединѣ палатки образовался жолобъ, куда стекали грязь и вода, заносимыя ногами всѣхъ входящихъ; повременамъ эта смѣсь замерзала и представляла большія удобства скатиться отъ одной кровати до другой, чѣмъ мы иногда и пользовались, хотя безъ особеннаго удовольствія. Предъ входомъ въ палатку былъ положенъ небольшой плетень, почти утонувшій въ грязи... Изъ этого описанія можно смѣло заключить, что помѣщеніе наше отличалось нѣкоторою роскошью и комфортомъ; одно печалило и заботило насъ: это недостатокъ стульевъ (или чего-нибудь въ этомъ родѣ), ибо мы изъ опыта убѣдились, что при значительномъ собраніи посѣтителей — а это случалось почти каждый день — кровати наши, служившія единственнымъ сѣдалищемъ, терпѣли явные поврежденія.

Первое утро въ отрядѣ провелъ я въ наблюденіяхъ. Всѣ они были полны разнообразія и доставляли мнѣ много удовольствія. Свѣтлый, ясный день особенно способствовалъ моимъ обзорѣніямъ окрестностей, при помощи зрительной трубы. Нельзя было съ точностію рассмотреть непріятельскихъ редутовъ, но можно было замѣтить тамъ, подобно вчерашнему, движеніе. Притомъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за одиочными горцами, появлявшимися на ближайшихъ высотахъ: я ясно видѣлъ непріятельскіе пикеты то конные, то пѣшіе; слѣдилъ за внезапнымъ появленіемъ и исчезновеніемъ отдѣльныхъ личностей; всматривался въ ихъ жесты...

Хотите знать, какъ мы проводили свободное отъ службы время? Въ десять часовъ утра мы закусывали. Закуска со-

стояла изъ рюмки разведеннаго спирта, куска сыра съ хлѣбомъ и двухъ сушеныхъ рыбокъ (вино въ это время въ отрядѣ еще было большою рѣдкостію). Подобная же закуска происходила у насъ вечеромъ, часовъ въ восемь; впрочемъ, ее можно было встрѣтить вездѣ, съ маленькимъ разнообразіемъ, и въ различные моменты времени, отъ ранняго утра до глубокой ночи включительно. Для многихъ она замѣняла обѣдъ и ужинъ. По этому случаю кто-то сказалъ: „обѣдаютъ, ужинаютъ и завтракаютъ вездѣ, но закусываютъ только на Кавказѣ“. Мы имѣли однако хорошій обѣдъ и ужинъ, благодаря внимательности командующаго войсками. Это важное условіе избавляло насъ отъ многихъ заботъ.

По вечерамъ собирались знакомые поиграть въ карты и потолковать. У насъ были и книги, преимущественно журналы. Иногда мы выходили за лагерь, по направленію къ Веденю, чтобы лучше разсмотрѣть цѣль нашихъ дѣйствій и всей зимней экспедиціи.

Такъ легко и пріятно прошла недѣля моего пребыванія въ отрядѣ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ изъ непріятельскихъ редутовъ, перестрѣлки на передовыхъ постахъ по ночамъ были единственными, но отдаленными военными дѣйствіями, въ которыхъ я, разумѣется, участвовать не могъ, но которые, тѣмъ не менѣе, занимали меня и заставляли ожидать чего-то необыкновеннаго. Случились еще два происшествія, возбудившія мое любопытство. Первое состояло въ томъ, что два бѣглыхъ солдата добровольно явились къ намъ въ лагерь. Судя по ихъ жалкой одеждѣ и изнуреннымъ лицамъ, не трудно было догадаться, какую вели они тамъ жизнь. Одинъ изъ нихъ прожилъ въ горахъ около четырехъ лѣтъ, ежеминутно раскаяваясь, по его словамъ, въ своемъ проступкѣ. Когда его спросили о причинѣ его бѣгства, онъ отвѣчалъ:

— Отчего собака бѣсится?... Съ жиру....

На это одинъ солдатъ возразилъ:

— Ну теперь ты не скоро сбѣсишься: въ горахъ-то по-сбавили съ тебя жиру.

— И другу и недругу закажу....

Другой солдатъ совершенно походилъ на горца: его одежда, черная борода, мрачное выраженіе въ глазахъ напоминали чеченца. Онъ отвѣчалъ на предлагаемые вопросы коротко, не

смотря на спрашивающаго и не пускался ни въ какія разсужденія, подобно свосму товарищу.

— Такъ разбойникомъ и смотреть, говорили солдаты.

Другое происшествіе было важнѣе: въ одинъ прекрасный день изъ Веденей выбѣжалъ молодой тавлинецъ, уведя съ собою двухъ лошадей. Онъ разсказалъ, между прочимъ, что Шамиль не живетъ постоянно ни на одномъ мѣстѣ, а разъѣзжаетъ изъ одного аула въ другой. Одну лошадь бѣглець тутъ же продавалъ за 40 руб. сер. Впослѣдствіи оказалось, что тавлинецъ этотъ укралъ лошадей въ крѣпости Грозной, и потому вскорѣ былъ туда отправленъ для объясненій.

Прекрасная погода наконецъ смѣнилась дурною: подулъ сильный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ, что и продолжалось болѣе сутокъ. Палатки нѣсколько разъ обметались и снова покрывались снѣгомъ; лошади побѣлѣли; горы скрылись; даже въ двадцати саженихъ нельзя было различать знакомыхъ предметовъ. Въ палатку къ намъ наносили довольно снѣгу — и вѣтеръ, и мы сами; сдѣлалось холодно. Положеніе наше становилось непріятнымъ... Въ то же время я получилъ порученіе, которое не позволило мнѣ остаться въ палаткѣ; но это меня мало огорчало, потому что еще не рѣшено сравнительными опытами: лучше ли сидѣть въ палаткѣ, или ходить на открытомъ воздухѣ въ такую непривлекательную погоду.... Въ лагерь мертвая тишина, какъ будто все живое скрылось подъ непроницаемымъ бѣлымъ покрываломъ; костры тухнуть; въ палаткахъ невозможно держать горячихъ углей, иначе будетъ сильный угаръ. На другой день я долженъ былъ отправиться въ Таузени, гдѣ рассчитывалъ пробыть не болѣе недѣли. По глубокому снѣгу поѣхалъ я съ выступающей оказіей и безъ особенныхъ приключеній добрался до мѣста. Здѣсь для меня началась новая жизнь — жизнь трудовъ и различныхъ неудобствъ.

Здѣсь же я покороче познакомился съ главными элементами кавказской жизни. Сначала я обратилъ вниманіе на общество офицеровъ. Кавказскій офицеръ отличается терпѣливостію въ трудахъ и лишеніяхъ, хладнокровіемъ въ бою и точностію исполненія своихъ обязанностей. Онъ не слишкомъ гоняется за наградами, безропотно встрѣчаетъ продолжительность похода и охотно переселяется на новое мѣсто со своимъ полкомъ. Но самый любопытный предметъ на Кавказѣ — это кавказскій солдатъ. Онъ способенъ на многое, очень многое; пере-

носить необычайные труды, подшучивая надъ своимъ положеніемъ, дерется какъ левъ, работаетъ какъ волъ и поетъ какъ соловей. Утромъ идетъ онъ сопровождать оказію; вечеромъ, прошагавъ верстъ сорокъ, возвращается въ лагерь, гдѣ его назначаютъ въ ночные; а завтра утромъ его посылаютъ на работу, а вечеромъ, по приказанію ротнаго командира, въ числѣ другихъ, онъ поетъ пѣсни предъ палаткою пирующихъ офицеровъ, что продолжается иногда далеко за полночь.... Когда же спитъ кавказскій солдатъ? Это извѣстно Богу.... На слѣдующій день онъ идетъ за десятидневнымъ провіантомъ и, съ ношею въ полтора пуда, даже болѣе, въ тотъ же день является въ лагерь. При новой оказіи вы видите его верхомъ на полковой лошади, свободно сидящаго на вьючномъ сѣдлѣ, къ которому онъ прикрѣпилъ веревочныя стремяна, съ ружьемъ за спиной. Кромѣ того, каждый день случается кавказскому солдату версты за двѣ сходить за дровами (конечно, бываетъ и ближе), всегда съ ружьемъ на плечѣ, также за водой, которую носятъ въ кожаныхъ бурдюкахъ, котлахъ, кострюлькахъ, котелкахъ и манеркахъ. И все это дѣлается безъ малѣйшаго ропота, напротивъ съ шутками, смѣхомъ и шалостями. Если и случится кому-нибудь заговорить о тягости солдатской жизни, то непременно найдутся тотчасъ и защитники ея, которые, смотря по обстоятельствамъ, могутъ обратить жалобу въ шутку или въ серьезную похвалу своему положенію. Въ примѣръ приведу разговоръ двухъ солдатъ объ этомъ предметѣ.

— Ну жизнь солдатская! говорилъ одинъ, шагая по глубокой грязи. — Каждый день что-нибудь да есть! то въ оказію, то на работу, то за дровами, а тамъ въ ночные....

— Эхъ ты, голова! возразилъ другой. — Тебѣ все трудно.... Тебѣ бы на печи лежать, да обѣда ждать.

— Нѣтъ, братъ, не таковъ я, ты самъ знаешь; но вѣдь иной разъ не утерпишь, скажешь....

— Да что тутъ говорить! Сказано—служба, и служи вѣрой-правдой....

— И самъ я знаю это не хуже другаго, да ужъ приходится больно тяжело, силъ нехватаетъ.

— Оно, конечно, тяжело—замѣтилъ другой солдатъ, послѣ короткаго раздумья—если собрать всѣ вмѣстѣ солдатскіе труды, такъ, гляди, много коробовъ наберется....

— То-то и есть!...

— Оно, коли хочешь знать, такъ кавказскій солдатъ большую пользу приноситъ государю.... Если бы, такъ сказать, мы служили изъ-за денегъ, то почитай что и трехъ рублей въ мѣсяцъ мало жалованья. Да что намъ деньги? Изъ того что-ли мы служимъ?

— Правда, не изъ того....

— Что жъ тутъ горевать! Вотъ теперь и сухарей прибавили, и лишнюю чарку спирту даютъ; командиры хорошіе, генералъ жалуетъ....

— Что жъ будешь дѣлать-то! Некуда податься, окончилъ свои убѣжденія второй, закуривая коротенькую трубочку.

Что ѣдятъ кавказскіе солдаты въ походѣ? Варятъ, коли есть, говядину, далеко не перваго сорта, а выходитъ уха или что-нибудь другое. Одна каша сохраняетъ свои отличительные признаки. Сухари уничтожаются съ удивительною быстротою и служатъ самую необходимою и вмѣстѣ самую пріятною пищею для солдатъ. Для пріобрѣтенія сухарей продается спиртъ, сапожный товаръ по частямъ и другія, менѣе необходимыя вещи. Изъ сухарей солдатъ приготовляютъ разнообразныя блюда. Меня заинтересовало одно, подъ названіемъ *кавардакъ*. Кушанье это готовится слѣдующимъ образомъ: варятъ сухари въ водѣ, съ прибавкою кусковъ сала, и доводятъ такую смѣсь до приличной густоты. Я пробовалъ „кавардакъ“, но о вкусѣ судить не могу, потому что у всякаго свой вкусъ: солдатамъ онъ очень нравится.

Зимняя одежда кавказскихъ солдатъ состоитъ изъ полушубка, длинныхъ сапоговъ и папахи; въ ненастную погоду надѣваютъ еще шинель. Солдатскія рубашки въ походѣ достигаютъ до крайнихъ предѣловъ ветхости и нечистоты: иногда остается одинъ воротникъ отъ трехъ рубашекъ, которыя берутся въ походъ, а о бѣлизнѣ холста сохраняется только неясное преданіе. Но, прежде достиженія такого состоянія, рубашки подвергаются многочисленнымъ починкамъ, приводящимъ въ удивленіе и качествомъ, и количествомъ. Нѣкоторые солдаты предпочитаютъ цвѣтныя рубашки, какъ менѣе маркія. Столь же разнородныя заплаты кладутся на штаны, иногда по три и по четыре на одномъ мѣстѣ, послѣдовательно одна за другой, напримѣръ: первая, наибольшая, изъ чернаго сукна, вторая изъ сѣраго, третья изъ краснаго, четвертая, наименьшая, изъ холста.

Случается и такъ, что даже послѣдняя заплата требуетъ починки....

Торговля кавказскихъ солдатъ въ отрядѣ очень ограничена: продаютъ спиртъ, сухари, бѣлый и черныя хлѣбъ, привозимый ими изъ крѣпостей, табакъ, трубки и излишнія вещи. Такъ какъ вся дѣятельность строевыхъ солдатъ обращена на исполненіе служебныхъ обязанностей, то частная промышленность сосредоточена въ рукахъ музыкантовъ и барабанщиковъ, которые съ успѣхомъ занимаются мытьемъ бѣлья на офицеровъ, дѣланіемъ трубокъ, чубуковъ и ложекъ.

Любопытны взаимныя отношенія полковъ совершенно независимо отъ отношеній начальниковъ. Солдатъ Куринскаго полка смотритъ съ большимъ участіемъ на своихъ братьевъ Кабардинскаго или Навагинскаго полковъ, нежели на солдатъ другихъ полковъ, съ которыми рѣдко случалось дѣлить труды и опасности. Цѣлыя роты одного полка имѣютъ дружественныя сношенія съ ротами другихъ полковъ. На кавказскомъ нарѣчій это называется *куначествомъ*. Если какая-нибудь рота одного полка приходитъ временно на мѣсто расположенія своихъ кунаковъ другаго полка, то послѣдніе считаютъ своею обязанностію угостить пришедшихъ, выкативъ для нихъ боченокъ спирта или уступивъ имъ свой обѣдъ, смотря по времени и обстоятельствамъ. Я былъ не разъ свидѣтелемъ подобнаго угощенія. Обыкновенно это происходитъ слѣдующимъ образомъ: солдаты, поздоровавшись со своими кунаками, обращаются къ фельдфебелю съ просьбою объ угощеніи, а фельдфебель идетъ къ ротному командиру и проситъ позволенія, согласно желанію роты, поднести по чаркѣ спирта пришедшей ротѣ.

— Для чего это? спрашиваетъ иногда удивленный ротный командиръ.

— Это наши кунаки, отвѣчаетъ коротко фельдфебель.

Если ротный командиръ еще не знакомъ съ обычаями своихъ подчиненныхъ, то при этомъ случаѣ узнаетъ ихъ, какъ равно и свою новую обязанность: угостить ротнаго командира своихъ кунаковъ.

Если достоверно узнаютъ, что кунаки должны придти въ извѣстный день на одно съ ними мѣсто, на сборный пунктъ отряда, напримѣръ, то первые готовятъ для послѣднихъ обѣдъ и всѣ сподручныя средства для удобнаго ихъ помѣщенія.

Всѣ платятъ одинаковою взаимностію, и дружескія отношенія сохраняются, несмотря на измѣненіе состава роты.

Дальніе и продолжительные походы по неразработаннымъ дорогамъ чрезвычайно изнуряютъ полковыхъ и ротныхъ лошадей, которыя рѣдко пользуются достаточнымъ отдыхомъ для возобновленія своихъ силъ. Это обстоятельство значительно сокращаетъ число солдатскихъ палатокъ, перевозимыхъ съ одного мѣста на другое, а потому помѣщеніе солдатъ бываетъ болѣе нежели тѣсно: оно просто непостижимо. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, помѣститься въ одной палаткѣ сорока человѣкамъ? А это часто случается, особенно въ дурную погоду. Если отрядъ остается нѣсколько времени на мѣстѣ, то можете замѣтить кругомъ палатокъ множество землянокъ и шалашей, куда перебираются тѣ, которыхъ тѣснота особенно тревожить.

Въ непродолжительныхъ походахъ, въ летучихъ отрядахъ, рѣдко бываютъ палатки: тогда солдаты, не имѣя ни силъ, ни времени для устройства даже подобія шалашей, слѣдующимъ образомъ проводятъ ночь: натаскиваютъ хворосту, раскладываютъ его довольно обширнымъ кругомъ на снѣгу или на грязи и ложатся на эту постель такъ, чтобы голова одного лежала на ногахъ другаго и т. д. по окружности, имѣя предосторожность укрыться шинелями. Въ такомъ кружкѣ помѣщается до пятидесяти и болѣе человѣкъ.

День отдыха для кавказскаго солдата имѣетъ большую важность: онъ забываетъ всѣ труды, силы его укрѣпляются, онъ почти перерождается. Какъ весело и беззаботно смотреть онъ на Божій міръ въ праздничный день! Какъ внимательно слушаетъ по вечерамъ рассказы старыхъ и бывалыхъ! Яркій костеръ освѣщаетъ его суровое лицо и вызываетъ иногда невольную улыбку наблюдателя выраженіемъ глубокаго участія къ словамъ рассказчика. Я видѣлъ картину, которая особенно врѣзалась мнѣ въ памяти: около костра лежало нѣсколько солдатъ, облокотившись на дрова и слушая стоявшаго молодаго солдата, который рассказывалъ про севастопольскую осаду. Всѣ глаза были устремлены на рассказчика; всѣ лица слушателей, ярко освѣщаемыя, выражали всепоглощающее вниманіе.... Когда рассказъ коснулся смерти адмирала Нахимова, всѣ приподнялись, сняли папахи и перекрестились, прошептавъ: „царство ему небесное!“

Съ такимъ же вниманіемъ солдаты слушаютъ чтеніе книгъ.

Въ нѣкоторыхъ полкахъ я слышалъ, какъ читали журналъ „Чтеніе для Солдатъ“. Слушавшіе чтеніе, если только имѣютъ свободное время, никогда не пропустятъ его продолженія. Я былъ свидѣтелемъ, какъ солдаты 5-го баталіона Куринскаго полка собирались слушать чтеніе: одинъ ходилъ по палаткамъ, выкликалъ знакомыхъ ему и говорилъ:

— Ступай. Сейчасъ будутъ читать.

По ночамъ иногда солдаты слушаютъ сказки, рассказываемыя какимъ-нибудь мастеромъ этого дѣла. За сказкою также слѣдить съ участіемъ, позволяя себѣ порой вопросы для объясненія темныхъ обстоятельствъ. Сказочникъ-солдатъ—лицо таинственное и интересное для своихъ собратій: онъ представляется имъ обладателемъ сокровищъ, которыя можетъ показывать по своему усмотрѣнію.

Кавказскіе солдаты отличаются вѣжливостію въ сношеніяхъ между собою; всѣмъ своимъ товарищамъ, въ особенности кунакамъ, съ которыми солдатъ не коротко знакомъ, онъ говоритъ: вы. Съ удивительною точностію отличаютъ солдаты доброту своихъ начальниковъ и надолго сохраняютъ къ нимъ признательность. Строгихъ, но справедливыхъ уважаютъ; злыхъ и жестокихъ презираютъ.

Пѣсни поютъ солдаты большею частію по приказанію начальниковъ и видятъ въ этомъ только обязанность, отъ которой нельзя уклониться. По собственному желанію они поютъ пѣсни лишь по праздникамъ, послѣ двухъ, трехъ мезюрокъ (крышекъ) водки. Большая часть словъ пѣсни страшно исковерканы, но поются хорошо, хотя нѣсколько однообразно. Между солдатами встрѣчаются и сочинители пѣсенъ, имена которыхъ однакожь остаются въ неизвѣстности.

Самая трудная обязанность кавказскихъ солдатъ, по моему мнѣнію, ночные бекеты и секреты, особенно въ дурную погоду. Прележать или просидѣть цѣлую ночь подъ дождемъ или снѣгомъ въ обыкновенной солдатской одеждѣ — дѣло нешуточное. Мнѣ кажется, что для полка не была бы большимъ расходомъ покупка нѣсколькихъ бурокъ и башлыковъ, которые такъ хорошо противостоятъ всѣмъ непогодамъ.

Скажу нѣсколько словъ о стрѣлковыхъ ротахъ.

Полезъ учрежденія стрѣлковыхъ ротъ при каждомъ баталіонѣ особенно очевидна на Кавказѣ. Въ стрѣлковыя роты выбираются люди молодые, способные и хорошаго поведенія.

Обязанность ихъ не отличается такимъ разнообразіемъ, какъ обязанность пѣхотныхъ ротъ, но имѣетъ видъ военной спеціальности, что много поддерживаетъ данное имъ направленіе. Стрѣлки назначаются преимущественно для сопровожденія оказій, для прикрытія рубки лѣса и вообще всякихъ работъ, требующихъ извѣстной осторожности; во время движенія, въ дѣлахъ съ непріателемъ, они составляютъ главную цѣпь или авангарды. На работы ихъ посылаютъ только въ крайнихъ случаяхъ.

Въ Кабардинскомъ полку есть еще рота охотниковъ-стрѣлковъ, явленіе въ высшей степени любопытное. О нихъ я буду имѣть случай говорить ниже.

Для исполненія своихъ обязанностей я долженъ былъ нѣсколько разъ ѣздить въ Эль-Эстенджи, гдѣ въ это время уже началась постройка временнаго укрѣпленія, подъ наблюденіемъ инженера. Такъ какъ я имѣлъ случай видѣть начало и конецъ этой постройки, и, притомъ, укрѣпленіе это отличалось отъ другихъ построекъ подобнаго рода, то постараюсь сдѣлать краткое описаніе его. Укрѣпленіе было расположено надъ крутымъ оврагомъ, сообразно очертанію мѣстности, а туръ-бастіонъ, на которомъ при окончаніи стояли два орудія, отнесенъ на возвышеніе, откуда мѣстность могла быть обстрѣливаема кругомъ. Работы производились слѣдующимъ образомъ: сначала вбивали въ два ряда колья, потомъ заплели плетень, при чемъ толщина стѣнки образовалась въ одинъ аршинъ; на высотѣ около двухъ аршинъ оставлены были бойницы шириною въ $\frac{3}{4}$ (разстояніе отъ одного кола до другаго) и вышиною до 4 вершковъ. Устройство бойницъ въ плетневомъ заборѣ казалось мнѣ непостижимымъ; въ сущности же дѣло состояло въ томъ, что, въ назначенныхъ мѣстахъ, колья, между которыми должны быть бойницы, перевязывались кручеными прутьями и на нихъ клали еще короткіе прутья для того, чтобы высота отверстія достигала четырехъ вершковъ. Далѣе плетень продолжался обыкновеннымъ порядкомъ. Средина между двумя плетневыми стѣнками набивалась толстымъ хворостомъ, въ тычекъ, а надъ бойницами, по положеннымъ поперечнымъ брускамъ, плашмя. Сверхъ того, по всей стѣнѣ, было густо утыкано обломаннымъ хворостомъ съ наклонностію наружу, что представляло рѣшительное неудобство перескочить чрезъ плетень и придавало видъ прочности такому укрѣпленію, которое предназначалось не болѣе какъ на полгода. Особенно хорошъ былъ видъ

его со стороны Таузеней. Отсюда оно казалось правильно и сильною крѣпостію. Хворостъ для плетня употреблялся преимущественно орѣховый. Въ туръ-бастіонѣ былъ насыпанъ большой барбетъ для орудій. Постройка продолжалась около двухъ недѣль, при чемъ обратилось, какъ сообщилъ мнѣ строитель, 1,500 человекъ, т. е. по три человека на каждый шагъ, потому что все укрѣпленіе имѣло около 500 шаговъ въ окружности.

Другія временныя укрѣпленія или такъ называемыя „засѣки“ строятся гораздо проще: наваливаютъ стѣну изъ хвороста, обращеннаго вершинами наружу, перемѣшивая его съ бревнами и прибивая колыями. Эта работа, конечно, проще, но она продолжительнѣе, потому что требуетъ огромнаго количества хвороста, слѣдовательно и болѣе времени или рабочихъ; кромѣ того, она имѣетъ то важное неудобство, что стрѣлять нужно съ открытой грудью и головой.

Во время пребыванія моего въ Эль-Эстенджи, я познакомился съ чеченкой, которая называла себя „Аннушкой“ и говорила довольно внятно по-русски. Оказалось, что она была замужемъ за бѣглымъ солдатомъ, о возвращеніи котораго на родину она хотѣла хлопотать, и сама желала переселиться въ Россію. Это была уже пожилая женщина; съ ней приходилъ сынъ ея, лѣтъ 18, къ несчастію, глухонѣмой. Рассказывая о своемъ печальномъ житьѣ-бытьѣ и о всегдашнемъ желаніи своего мужа (уже лѣтъ пятидесяти, по ея счету) возвратиться на родину, она однажды спросила:

— А гдѣ Россія?

Мы показали ей рукою. Она долго смотрѣла туда, вздохнула, покачала головой и сказала:

— Завтра пойду къ генералу, что онъ скажетъ. А послѣ пойду въ Ведень.

— И ты не боишься?

— Чего мнѣ бояться? Меня тоже никто не боится.

Впослѣдствіи я видалъ чеченку въ главномъ лагерѣ, но при такихъ обстоятельствахъ, что не могъ спросить ее объ успѣхѣ ея ходатайства.

Въ Эль-Эстенджи я также встрѣтилъ раненаго унтеръ-офицера, который на вопросъ: гдѣ онъ раненъ, разсказалъ эпизодъ кавказской охоты, показавшійся мнѣ довольно интереснымъ. Постараюсь приблизительно передать разсказъ.

„Однажды, вчетверомъ, отправились мы на охоту, верстъ за сорокъ отъ Владикавказа, за Терекъ, гдѣ водится много всякой дичи, особенно фазановъ, которыхъ мы приносили иногда штукъ по восьмидесяти. Сторона тамъ еще нетронутая, а потому охота такъ пріятна, что можно забыть все: и службу, и домъ, и все на свѣтѣ. Одно время я былъ на охотѣ три недѣли и возвратился во Владикавказъ уже изъ Пришиба (*) послѣ того, какъ недѣли полторы меня считали пропавшимъ. Разумѣется, мнѣ досталось за это; да что жъ за бѣда? Я люблю охотиться больше всего на свѣтѣ. Я вѣдь родился и выросъ на Кавказѣ, а потому знаю всѣ мирные осетинскіе и кабардинскіе аулы и мѣста, гдѣ водится дичь. Слышалъ я, что и на большой дорогѣ на проѣзжихъ нападали разбойники, но со мной, когда я даже одинъ ходилъ по нѣскольку дней, ничего подобнаго не случалось. Теперь же я и совсѣмъ ничего не думалъ, потому что съ нами былъ еще одинъ унтеръ-офицеръ, опытный охотникъ, съ которымъ случались разныя происшествія и который однажды отбилъ отъ пяти человѣкъ, бывши еще на правомъ флангѣ. Бояться, значить, было нечего.... Но случается всегда то, чего и не ожидаешь. Мы увидѣли партію всадниковъ, которые, примѣтивъ насъ, поскакали прямо къ намъ. Ясно было, что это не мирные. Мы должны были подумать о своей безопасности.

„— Дѣло плохо, сказалъ Иващенко, тотъ унтеръ-офицеръ, про котораго я говорилъ. — Но мы еще посмотримъ, что они возьмутъ. Идите всѣ за мной.

„Мы подошли всѣ четверо къ большому срубленному дереву и улеглись за него такъ, что были нѣсколько прикрыты отъ выстрѣловъ. Вскорѣ прискакало человѣкъ двадцать и всѣ бросились къ дереву, но, увидавъ наши ружья, нацѣленные на нихъ, приостановились, начали разѣзжаться по сторонамъ и стрѣлять въ насъ поодинокѣ, съ криками и ругательствами. Иващенко сказалъ, чтобы мы ни подъ какимъ видомъ не стрѣляли, а были бы только наготовѣ.

„— Вотъ я сейчасъ выстрѣлю, а ты давай мнѣ свое ружье и заряжай скорѣе мое.

„Выстрѣлъ былъ удачный: одинъ оборванецъ свалился съ лошади; чрезъ нѣсколько времени другой, потомъ и третій. У

(*) Первая станица отъ Екатеринограда во Владикавказъ.

насъ тоже было двое раненыхъ, но легко. Я лежалъ на такомъ мѣстѣ, что могъ ежеминутно ожидать пули въ лобъ. Вотъ я и рѣшился выбрать болѣе выгодную позицію; но для того нужно было приподняться.... Въ самую эту минуту я былъ такъ раненъ, что и теперь, черезъ четыре года, болитъ еще рука. Почти въ то же время Иващенко былъ раненъ въ руку и, выпустивъ ружье, сказалъ:

„— Теперь все пропало; лежите смирно и, кто можетъ, стрѣляйте только тогда, когда горцы бросятся съ пашками.... Я больше ничего не могу сдѣлать.

„Мы пролежали еще минутъ десять, отмалчиваясь отъ выстрѣловъ и проклятій нашихъ враговъ. Вдругъ мы услышали конскій топотъ и подумали, что, вѣрно, придется отправиться въ горы или умереть: мы думали, что скачутъ къ намъ новые разбойники.... Нѣтъ, это были мирные осетины, которые, услышавъ перестрѣлку, бросились въ числѣ пятидесяти человекъ и прогнали чеченцевъ. Они взяли насъ къ себѣ, перевязали наши раны... Иващенко болѣе не владелъ рукою, а я, не открывая своей болѣзни, лечился такъ, что и доселѣ не вылечился.“

Въ трудахъ и развѣздахъ подъ дождемъ и снѣгомъ провелъ я три недѣли кочующей жизни. Въ первыхъ числахъ марта я былъ пріятно изумленъ извѣстіемъ, что въ Эль-Эстенджѣ построены двѣ бани и что я могу тамъ отлично вымыться. Я, разумѣется, не заставилъ повторять приглашенія и тотчасъ туда отправился. Строительное искусство кавказскихъ солдатъ здѣсь выказалось въ новомъ блескѣ. Мѣсто для бани было выкопано въ землѣ и покрыто двускатною земляною крышею; внутренность бани была обшита досками; устроены были полки, лавки, настланъ полъ, вставлена оконная рама съ бумагой вмѣсто стеколъ, навѣшена дверь, сложена печь изъ камней и даже сдѣланъ плетневый передбанникъ, и все это безъ всякихъ инструментовъ, кромѣ рогатыхъ топоровъ и инженерныхъ лопатъ и кирокъ. Словомъ, это была такая баня, въ какой я желалъ бы вымыться и во Владикавказѣ, гдѣ торговые бани, сказать мимоходомъ, изъ рукъ вонъ плохи. Солдаты такъ любятъ попариться въ банѣ, что находятъ средство и лѣтомъ удовлетворить своимъ наклонностямъ. Для этого устанавливаютъ двѣ палатки, накладываютъ ихъ одна на другую, вносятъ туда горячихъ угольевъ и поливаютъ ихъ водою: распро-

страняется такой жаръ, который можетъ удовольствовать самага страстнаго парильщика.

Между тѣмъ, мѣстность около Эль-Эстенджи приняла совершенно другой видъ: отъ дремучаго лѣса, чрезъ который четыре недѣли тому назадъ я проѣзжалъ, остались только слѣды; вмѣсто крутыхъ и неудобныхъ подъѣмовъ явилась удобная и широкая дорога; надъ оврагомъ возвышалось укрѣпленіе; горизонтъ зрѣнія значительно увеличился.

Столь же удивительную перемѣну замѣтилъ я по всей дорогѣ отъ Эль-Эстенджи до главнаго отряда, куда возвращался я по окончаніи своего порученія. Направленіе дороги было вездѣ измѣнено; не осталось ни одного крутаго подъема и спуска; лѣсъ разчищенъ на большое разстояніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выстроены временные редуты.

III.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ главный лагерь происходила закладка укрѣпленія для штабъ-квартиры Куринскаго полка. Столь необыкновенное явленіе произвело тревогу въ непріятелѣ, который открылъ сильный огонь изъ двухъ орудій. Выстрѣлы были довольно удачны: почти всѣ ядра и гранаты ложились на мѣстѣ будущаго укрѣпленія, даже достигали до лагера, не причиняя намъ однакожь вреда. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что многія ядра падали вблизи густой толпы рабочихъ, а гранаты лопались надъ головами ихъ.

Досадно было только то, что на всѣ учащенные выстрѣлы непріятеля мы могли отвѣчать единственно ударами кирокъ и лопатъ о мерзлую землю; поэтому всѣ не мало обрадовались, когда вывели два батарейныя орудія для состязанія съ артилеріею Шамиля. Однакожь дѣйствіе нашей артилеріи было не такъ удачно, какъ непріятельской, по причинѣ возвышеннаго мѣстоположенія позиціи противника.

Работы продолжались, тѣмъ не менѣе, съ замѣчательнымъ успѣхомъ, а канонада прекратилась.

На другой день, рано утромъ, отправился я съ однимъ казакѣмъ на редуты, расположенные на горахъ, по лѣвой сторонѣ Хулкулау. Утро было безукоризненно хорошо. Я вполнѣ наслаждался свѣжимъ чистымъ воздухомъ и разнообразными видами, представлявшимися при спускахъ съ горъ и подъемахъ на гору. Къ редутамъ я подѣхалъ въ то самое время,

когда раздался пушечный выстрѣлъ изъ непріятельскихъ завадовъ. Звукъ этотъ показался мнѣ такимъ страннымъ, что, казалось, ядро проникало въ горы и раздирало ихъ нѣдра.... Отдаленное эхо вторило этому странному звуку.... Я воображалъ, что непріятель снова направляетъ свои выстрѣлы на крѣпостныя работы, и потому смотрѣлъ въ ту сторону, но былъ не мало удивленъ, что при второмъ выстрѣлѣ, прежде, нежели я услышалъ звукъ его, надъ головою моею что-то просвистало: стрѣляли по тѣмъ редутамъ, къ которымъ я подѣзжалъ. Вскорѣ туда же пріѣхали еще нѣкоторые знакомые, и мы предались мирнымъ занятіямъ: смотрѣли на аулъ, рисовали и говорили о красотахъ природы. Время прошло незамѣтно.

Послѣ обѣда мы имѣли удовольствіе смотрѣть на подвиги молодечества нѣсколькихъ сорванцовъ, вышедшихъ изъ Веденія. Они подкрадывались незамѣтно на ружейный выстрѣлъ къ редутамъ, въ надеждѣ подстрѣлить неосторожнаго; но первый же выстрѣлъ открылъ ихъ намѣренія и заставилъ усилить нашу осторожность. Одинъ изъ передовыхъ зашелъ на такое мѣсто, что отступить ему было невозможно, не подвергнувшись нѣсколькимъ выстрѣламъ штуцерныхъ; а потому, спрятавшись за дерево, онъ посматривалъ на редутъ, рассчитывая воспользоваться первою оплошностію нашихъ стрѣлковъ, чтобы ретироваться. Но это было трудно: два ружья были нацѣлены на мѣсто отступленія и оставались неподвижны, ожидая малѣйшаго движенія смѣльчака. Остальные горцы, послѣ неудачной стрѣлбы, скрылись, такъ что одному приходилось отвѣчать за назойливость своихъ товарищей. Мы наконецъ сжалились надъ нимъ и просили отпустить его; но юнкеръ и солдаты, ожидавшіе непріятеля съ терпѣніемъ, ни за что не хотѣли оставить выгодной позиціи. Въ такомъ положеніи тавлицецъ оставался до глубокой ночи; мы ушли въ лагерь, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Погода стояла прекрасная, но снѣгу, равно и грязи было еще много. Жизнь наша шла обыкновеннымъ порядкомъ: ни скучно, ни весело. Работы по постройкѣ крѣпости и исправленію дороги продолжались безостановочно. Каждый вечеръ, во время вечерней зори, мы выходили смотрѣть на ракету и прислушиваться къ звуку разрыва гранаты послѣ зореваго выстрѣла, направленнаго на непріятельскій аулъ.

„Лопнула“, говорили мы, когда слышали знакомый звукъ, и

спокойно возвращались въ палатку. Однажды узнали мы, что зоревая пушка причинила большой вредъ въ аулѣ: граната пробила крышу сакли и разорвалась внутри ея, при чемъ было убито три человѣка.

Въ одинъ прекрасный вечеръ часть нашего лагеря была передвинута въ лѣвую сторону отъ аула, вслѣдствіе чего непріятель открылъ сильный и мѣткій огонь по беззащитнымъ переселенцамъ. Но часа черезъ два лагерь устроился на новомъ мѣстѣ, а непріятель утомился, видя невозможность воспрепятствовать предпринятому движенію. Положеніе въ новомъ лагерѣ во время стрѣльбы, по рассказамъ испытавшихъ его, было непріятно въ высшей степени, потому что нигдѣ и ни на минуту нельзя было разсчитывать на безопасность.

— Могло быть и хуже, замѣтили рассказчику.

— Какимъ образомъ?

— Стоило только непріятелю не прекращать стрѣльбы, чтобы лишить васъ аппетита и сна.

— Это, разумѣется, большое утѣшеніе въ такихъ обстоятельствахъ; но подождемъ завтрашняго дня....

— Завтра ничего не будетъ. Горцы тревожатся только при новыхъ движеніяхъ и удостоиваютъ стрѣлять по первому непріятному впечатлѣнію. Такъ сначала они стрѣляли по нашему лагерю, когда мы пришли; потомъ по редутамъ, когда ихъ закладывали, по крѣпости, наконецъ привыкали къ нововведеніямъ и не обращали на нихъ большаго вниманія. То же самое, вѣроятно, будетъ и съ вашимъ лагеремъ.

Однакожь это предсказаніе, подобно многимъ другимъ, не оправдалось на практикѣ. Часовъ въ одиннадцать утра непріятель возобновилъ канонаду сначала по лагерю, потомъ повернулъ на крѣпость и продолжалъ упорно стрѣлять часа два. Между тѣмъ, и наши батарейныя орудія были выдвинуты далеко впередъ и начали отвѣчать горцамъ: дѣйствіе нашей артиллеріи было успѣшнѣе, хотя и не вполне удовлетворительно. Напротивъ того, непріятель стрѣлялъ такъ удачно, что одно ядро попало въ брустверъ и было тамъ засыпано, другое между артилерійскихъ лошадей; большая часть снарядовъ падала близъ крѣпости и нашихъ орудій.

Въ то же время случилась такая оказія. Одинъ солдатъ стрѣлковой роты, назначенной въ прикрытіе орудій, былъ не совсѣмъ здоровъ и потому, несмотря на просьбы его, остав-

лень въ лагерьѣ. Но онъ, вопреки приказанія, пошелъ вслѣдъ за своей ротой на позицію и торопливо приближался къ своимъ рядамъ. Вдругъ ядро упало возлѣ его ногъ и обсыпало его землей; солдатъ зашатался, однако, хотя и ошеломленный, поплелся дальше. На вопросъ начальника стрѣлковъ: не раненъ ли ты? солдатъ отвѣчалъ безсознательно:

— Не можемъ знать, ваше благородіе.

Когда же офицеръ удостовѣрился, что онъ отдѣлался страхомъ и былъ облѣпленъ кусками грязи, то сказалъ:

— Э! да это только земля.

— Земля, ваше благородіе?

— Земля, и больше ничего.

Солдатъ тотчасъ же ободрился, вытеръ лицо и весело пошелъ на свое мѣсто.

Сталъ накрапывать дождь. Любопытныхъ собралось много, преимущественно около возводимого бастиона. Толпы горцевъ часто разбѣгались въ стороны, когда вблизи ихъ ложились гранаты; солдаты наши громко хохотали.

Часа черезъ два стрѣльба прекратилась, и все приняло не только обычный, но и скучный видъ, потому что небо нахмурилось.

Чтобы понять причину настоящей стрѣльбы—мы уже привыкли слышать перестрѣлку только вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ—нужно объяснить одно обстоятельство. Въ одномъ мѣстѣ Хулкулинскаго ущелья, тогда еще незанятаго нами, было выстроено неприступное, какъ говорили, укрѣпленіе, извѣстное подъ названіемъ *Веденскихъ воротъ*. Тамъ сидѣлъ болѣе или менѣе значительный гарнизонъ, о которомъ, какъ и о самомъ укрѣпленіи, мы ровно ничего не вѣдали. Въ прошедшую ночь лазутчики дали знать, что Веденскія ворота оставлены, а потому, въ ту же ночь, было собрано нѣсколько баталіоновъ, которые, выступивъ на разсвѣтъ, къ десяти часамъ разорили и зажгли укрѣпленіе. Пламя видѣли и мы (отъ лагеря было версты двѣ), и непріятель, желавшій отмстить намъ за наши успѣхи. Не мало дивились мы и счастливому исходу канонады, и своему невѣдѣнію о столь близкомъ и интересномъ сосѣдствѣ.

Безпрестанные дожди растворили страшную грязь. Ночныя перестрѣлки, иногда довольно продолжительныя и близкія, заставляли ожидать какихъ-нибудь происшествій; но всѣ наши предположенія не оправдывались.

Разъ вечеромъ въ нашей палаткѣ собралось довольно большое общество.

— Поговариваютъ—сказалъ одинъ инженеръ — что недѣли черезъ двѣ дѣла примутъ рѣшительный оборотъ.

— Пустяки! возразилъ другой.—Дѣла наши будутъ мирно и спокойно тянуться покрайней мѣрѣ до іюня, когда исправится дорога и учредить почтовые станціи отъ Владикавказа до Веденя.

— На три недѣли у меня хватитъ и бѣлья и терпѣнія — замѣтилъ адъютантъ изъ Петербурга—а потомъ да будетъ воля Аллаха!

— Все придетъ въ свое время, господа—прибавилъ другой адъютантъ—торопиться некуда.

— Раньше іюня мѣсяца мы не возьмемъ Веденя, произнесъ кто-то глубокомысленно.

— Не возьмемъ—съ живостью воскликнулъ инженерный офицеръ—такъ насъ возьмутъ!

Всѣ расхохотались.

Черезъ нѣсколько дней построили редутъ въ 500 саженьяхъ отъ аула, значительно впереди передвинутаго лагеря. Въ то же время были заложены траншеи на лѣвой сторонѣ Хулкулау, прямо противъ аула. По близости къ этому мѣсту переселили нѣкоторые войска и вслѣдъ затѣмъ установилось новое сообщеніе, повидимому столько же безопасное, какъ и съ редутомъ, хотя также открытое выстрѣламъ непріятеля. Я удивлялся чистосердечно, зная хорошо, что прежде не было безопаснымъ даже сообщеніе съ редутами на горахъ, близъ лагеря, и что обстоятельства нисколько не измѣнились. Тѣмъ не менѣе, это было такъ.

22-го марта непріятель разбудилъ насъ пушечными выстрѣлами, привѣтствуя движеніе колонны, направленной на сообщеніе его съ Андією и Дарго. Это былъ рѣшительный шагъ, укрѣпившій наши надежды на скорое окончаніе экспедиціи.

23-го заложены траншеи на правой сторонѣ Хулкулау, въ 400 шагахъ отъ перваго редута, названнаго *Андійскимъ*. Въ первую ночь горцы не замѣтили нашихъ работъ, но въ слѣдующія ночи тревожили рабочихъ частыми ружейными залпами, не рѣшаясь, впрочемъ, сдѣлать открытаго нападенія.

Для охраненія работъ назначались стрѣлковыя роты, которыхъ трудная обязанность: наблюдать за движеніемъ непріа-

теля и принимать его первое нападеніе, была выполнена превосходно. Особенно оказались полезными кабардинскіе стрѣлки, родъ партизанской команды, набранной изъ охотниковъ. Они имѣли азіатскую одежду, носили бороды, даже назывались бородачами, и мастерски владѣли отличнымъ двуствольнымъ ружьемъ. Въ кавказской войнѣ эта команда приносила большую пользу, какъ подтверждалось многократными опытами. Поодинокѣ наши кабардинскіе стрѣлки проходили по такимъ мѣстамъ, по которымъ съ осторожностію слѣдовала оказія, а въ цѣломъ составѣ, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, удерживали значительныя скопища, какъ это случилось въ лѣтнюю экспедицію 1858 года. Подъ Веденемъ они такъ близко подходили къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, что спускались даже во рвы и знали число часовыхъ, расположенныхъ на стѣнахъ.

Осадныя работы подвигались быстро впередъ. Шамиль, предвидя взятіе Веденя, уговорилъ защитниковъ его вывезти одну пушку, что имъ и удалось исполнить. Но не такъ случилось, когда Шамиль прислалъ подкрѣпленіе и жизненные припасы: нападеніе, несмотря на отчаянныя усилія непріятеля, было отбито, и горцы принуждены были обратиться къ единственной дорогѣ—горной тропинкѣ, чрезвычайно затруднительной для провоза вьюковъ. Притомъ же и тропинка была открыта выстрѣламъ нашихъ траншейныхъ орудій, а потому сообщеніе по ней было возможно только ночью.

Когда я, въ первый разъ, поѣхалъ въ траншеи—это было въ полдень—то невольно подивился своему положенію и даже смѣлости. Я ѣхалъ только съ казакомъ, направляясь прямо къ непріятельскимъ редутамъ; кругомъ не видно было никого, какъ недѣли двѣ тому назадъ, когда здѣсь не проходилъ днемъ ни одинъ человѣкъ. Снѣгъ уже стоялъ; обнажились пашни кукурузы, занимавшія пространство въ нѣсколько десятинъ. Чѣмъ далѣе подвигался я къ траншеямъ, тѣмъ интереснѣе открывался видъ и тѣмъ яснѣе обозначались постройки въ аулѣ, въ особенности домъ Шамиля, извѣстный по нѣкоторымъ описаніямъ. Въ лѣвой сторонѣ видѣлся разоренный аулъ, далѣе открывалась поляна, потомъ высились горы; прямо чернѣла линія траншей, а на покатости горы были расположены непріятельскіе редуты, изъ которыхъ ближайшій къ траншеямъ, андійскій, имѣлъ странную форму. Подъѣзжая къ траншеямъ, я долженъ былъ спуститься въ оврагъ и потомъ подняться на противопо-

ложную сторону, откуда уже начинался лѣвый флангъ траншей. Оставивъ лошадь подъ горой, я пошелъ на батарею, гдѣ приготавливали мѣсто для платформы. Тутъ я замѣтилъ двухъ кабардинскихъ стрѣлковъ, которые высматривали непріятеля съ недобрымъ намѣреніемъ; но имъ, вѣрно, здѣсь не удалось стрѣлять, потому что одинъ вскорѣ сказалъ другому: „пойдемъ въ другое мѣсто: здѣсь ничего не видно“.

И они пошли, какъ настоящіе охотники, отыскивающіе дичь. Не отыскавъ того, кого мнѣ было нужно, я также послѣдовалъ за стрѣлками: они отправлялись въ центральную траншею, откуда представлялось болѣе обширное поле для дѣйствія. Переходъ изъ лѣвофланговой въ центральную траншею нужно было совершить чрезъ оврагъ, открытый дѣйствію непріятельскаго огня. Стрѣлки шли впереди. Приблизясь къ тому мѣсту, откуда переходъ становился открытымъ, одинъ молча остановился, а другой, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, очутился на другой сторонѣ, подъ горой. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ и просвистало нѣсколько пуль. Чрезъ минуту перебѣжалъ и другой стрѣлокъ. Я также недолго задумался надъ переходомъ, потому что былъ убѣжденъ въ невозможности найти другой путь; но рѣшимость моя не увѣнчалась успѣхомъ: я споткнулся о камень и упалъ въ ручей, правда, неглубокій и неширокій. Если не ошибаюсь, то въ это время просвистало надо мною не менѣе десяти пуль, изъ которыхъ ни одна не задѣла меня. Стрѣлки уже поднялись по крутой тропинкѣ къ траншеямъ, когда я вышелъ на безопасное мѣсто и старался привести въ порядокъ свое платье. Въ центральной траншеѣ было весело и безопасно, будто на бульварѣ Головинскаго проспекта. Я встрѣтилъ здѣсь своихъ знакомыхъ, но не считъ нужнымъ сообщить имъ о своей плачевной переправѣ, оставляя это до болѣе удобнаго времени. Исполнивъ свое порученіе, я долженъ былъ подумать о вторичномъ переходѣ чрезъ оврагъ; но на этотъ разъ я перешелъ счастливѣе, хотя дѣло безъ выстрѣловъ не обошлось. Теперь можно было спокойно возвратиться въ лагерь, и я приказалъ подвести лошадь; но только ногу въ стремя, свистъ ядра надъ головой и вслѣдъ затѣмъ звукъ пушечнаго выстрѣла заставили меня призадуматься... И было отъ чего: непріятель открылъ стрѣльбу по рабочимъ, проходившимъ съ пучками фашиновъ въ редутъ, откуда такіе отвѣчали изъ двухпудовой мортиры. Всѣ работы по близости

траншей и подъ выстрѣлами непріятеля были прекращены; мнѣ предстояло ѣхать между двухъ огней...

Погода, между тѣмъ, исправилась, а съ нею и дорога; крѣпостныя работы пошли своимъ чередомъ; лагерь нашъ замѣтно уменьшился, потому что войска были раздѣлены на нѣсколько частей, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ крѣпости стоялъ одинъ баталіонъ, кругомъ палатокъ котораго уже явились солдатскія землянки; поставлена была и походная церковь, повѣшенъ даже небольшой колоколъ, звуковъ котораго многіе давно не слыхали; лазаретъ увеличился и угрожалъ обратиться въ госпиталь, какъ въ послѣдствіи и случилось, хотя больныхъ было меньше; чаще слышался похоронный маршъ, больше видно было раненыхъ, и нѣсколько деревянныхъ крестовъ обозначали мѣсто новаго кладбища.... Вотъ сколько перемѣнъ произошло вокругъ насъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ на свѣжаго человѣка видъ раненыхъ, которыхъ все чаще и чаще приносили со времени заложенія ближайшаго къ непріятелю редута. Особенно сильное чувство состраданія проявляется у солдатъ при видѣ своихъ товарищей, еще недавно здоровыхъ и веселыхъ, а теперь неподвижно лежащихъ на носилкахъ. И хорошо, если кому изъ нихъ придется самому носить когда-нибудь раненыхъ товарищей...

Наша общественная жизнь также нѣсколько измѣнилась: мы обѣдали и ужинали вмѣстѣ, въ большой палаткѣ, извѣстной подъ громкимъ именемъ „столовой“, гдѣ мы могли шутить и свободно толковать о всѣхъ предметахъ, какіе приходили въ голову. Правда, общество собиралось далеко не избранное, и обыкновенно половину стола занимали милиціонеры; но выдавались и такіе, съ которыми пріятно было сойтись гдѣ бы то ни было. Изъ разговоровъ я могъ вывести заключеніе, что офицеры стали опытнѣе и уже не дѣлали предположеній объ исходѣ осады, тѣмъ паче объ отступленіи. Хотя всѣ мы были утомлены до такой степени, что, казалось, въ достиженіи дней отдыха заключалась единственная цѣль жизни каждаго, однако желанія эти высказывались какъ мечты о возможности счастья, и никто не думалъ пренебрегать своими обязанностями: все шло точно и правильно, сообразно расчетамъ и предположеніямъ командовавшаго войсками.

Ночныя перестрѣлки сдѣлались чаще, продолжительнѣе и ближе къ лагерю. Часто слышались заунывные пѣсни, стран-

ные крики и ругательства озлобленных тавлинцевъ, справлявшихъ похороны кого-нибудь изъ своихъ товарищей. Въ лагерѣ обыкновенно назначался баталіонъ на случай тревоги; но ему очень рѣдко приходилось дѣлать и нѣсколько шаговъ на мѣсто перестрѣлки: непріятель не рѣшался никогда завязать серьезнаго боя. Горцы такъ боялись каждаго движенія нашихъ войскъ, что, услышавъ однажды рано утромъ звукъ рожковъ—шелъ какой-то баталіонъ въ Таузени за сухарями—подняли страшную тревогу и выстрѣлами своими бесполезно разбудили измученныхъ, послѣ траншейныхъ работъ, солдатъ.

Приближался рѣшительный день, такъ долго нами ожидаемый. Все было готово: ожидали только транспорта снарядовъ. Штурмовыя лѣстницы и фашины были отнесены въ траншеи. По Андійскому редуту сдѣлано было нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ, теперь совершенно удачныхъ.

Это было такъ неожиданно для непріятеля, что одинъ тавлинецъ, сидѣвшій на стѣнѣ, при первомъ выстрѣлѣ, вскричалъ:
— Ахъ, русскій, дуракъ!

Бомбардировка назначена была 1-го апрѣля. Въ этотъ день погода была прекрасная. Я часто посматривалъ на часы, въ нетерпѣливомъ ожиданіи важнаго событія. Но время идетъ — часы показываютъ шесть—выстрѣлъ... другой... третій... залпъ изъ всѣхъ орудій правофланговой траншеи... Начало сдѣлано...

Теперь изъ каждаго орудія будутъ стрѣлять чрезъ четверть часа, а такъ какъ всѣхъ орудій въ траншеяхъ двадцать два, то почти въ каждыя двѣ минуты будутъ слышны три выстрѣла. Составъ нашей артилеріи былъ немножко разнообразенъ: были три двухпудовыя мортиры, нѣсколько батарейныхъ, легкихъ и горныхъ орудій; но для всѣхъ орудій избраны удобнѣйшія мѣста, и потому выстрѣлы должны быть дѣйствительны. По обязанности я долженъ былъ остаться въ лагерѣ; но все мое вниманіе сосредоточилось въ траншеяхъ и на Андійскомъ редутѣ, куда былъ направленъ огонь нашей артилеріи. Я рѣшился подойти поближе, рассчитывая, что могу немедленно явиться въ лагерь, если бы мое присутствіе тамъ понадобилось. Сначала я отправился въ крѣпость, откуда надѣялся удовлетворить своему любопытству; но нужно было сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ. Непріятель отвѣчалъ выстрѣлами изъ одного орудія—борьба слишкомъ неровная. Это было очевидно, принявъ въ соображеніе растянутое мѣсто траншейныхъ батарей. Сами

горцы, скоро замѣтивъ бесполезность своихъ усилій, замолчали. Я могъ видѣть только въ разныхъ мѣстахъ поднимающіеся клубы дыма и вслѣдъ затѣмъ слышать выстрѣлы; но о результатахъ выстрѣловъ нельзя было судить, по значительному разстоянію, отдѣлявшему меня отъ мѣста дѣйствія. Поэтому я сталъ мало по малу подвигаться впередъ къ траншеямъ. Встрѣтившись съ живописцемъ, большимъ любителемъ сильныхъ ощущеній и картинъ кавказской природы и войны, я воспользовался его зрительною трубою и внимательно осмотрѣлъ непріятельскіе редуты. На стѣнахъ аула и на редутахъ было множество значковъ наибова, и почти всѣ выстрѣлы наши попадали въ цѣль. Этого было съ меня довольно. Мы посидѣли на пригоркѣ, поговорили о возможности окончанія дѣла черезъ недѣлю и закурили папиросы. Къ намъ подошелъ священникъ, также интересовавшійся настоящими событіями. Посмотрѣвъ въ зрительную трубу на Андійскій редутъ, священникъ сказалъ:

— Бѣдные! Выходите и кладите оружіе! Ожиданіе смерти—тяжело, очень тяжело. Развѣ не видите, что вамъ не устоять противъ сильнаго и правильноустроеннаго войска?

Я вполне сочувствовалъ благочестивымъ размышленіямъ, священника, но очень мало надѣялся на изъявленіе покорности непріателемъ, имѣвшимъ для своего отступленія безопасную, хотя и неудобную дорогу.

Живописецъ скоро ушелъ отъ насъ, направляясь къ правофланговой траншеѣ, а священникъ уговорилъ меня сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ. Любопытныхъ въ траншеяхъ было очень много: одни сидѣли, другіе лежали въ различныхъ позахъ и нисколько не заботились о томъ, что выборъ мѣста для удовлетворенія любопытства грѣшилъ противъ всѣхъ правилъ осторожности, т. е., говоря проще, всѣ были подъ выстрѣлами непріятеля. Это могло бы удивить какого-нибудь новичка; но кто прожилъ два, три мѣсяца въ отрядѣ, тотъ привыкъ смотрѣть на мѣста, находящіеся по сю сторону траншей, какъ на безопасныя. Да и горцы никого не выводили изъ заблужденія, потому что были заняты другимъ дѣломъ. Сначала, послѣ каждаго орудійнаго выстрѣла, слышались ружейные выстрѣлы изъ Андійскаго редута, очевидно направляемые въ амбразуры нашихъ батарей; но чѣмъ больше опустошенія производили наши выстрѣлы въ редутъ, тѣмъ рѣже отвѣчали оттуда изъ ружей и, наконецъ, совсѣмъ умолкли.

Выстрѣлъ изъ двухпудовой мортиры, раздавшійся какъ-разъ у меня подъ ногами (я стоялъ на возвышеніи, предъ мортирою батареею), заставилъ меня вспомнить о своихъ обязанностяхъ. Притомъ я видѣлъ такъ довольно, что могъ считать любопытство и желаніе сильныхъ ощущеній вполне удовлетворенными. На возвратномъ пути я думалъ о печальномъ положеніи защитниковъ Шамиля и невольно засматривался на призывную растительность мѣстъ, которая въ непродолжительномъ времени должны быть оставлены своими исконными обитателями. Цвѣты и птицы, траншеи и бомбардировка наводили меня на самыя противоположныя мысли... Но дѣло идетъ о фактахъ....

Не обращая ни на что вниманія, свободные отъ службы солдаты хладнокровно занимались домашними работами: мыли бѣлье, развѣшивали его, починялись, поправляли палатки.... Вотъ что представилось мнѣ въ лагерь, расположенномъ надъ оврагомъ, на лѣвой сторонѣ Хулкулау.

Бомбардировка продолжалась. По обыкновенію, мы собрались обѣдать въ столовой, гдѣ очень мало говорили объ исходѣ дня. Одинъ только милиціонеръ сообщилъ намъ, что въ Ведень спустилось человекъ триста, что теперь гарнизонъ превышаетъ 7,000, но предъ началомъ осады тамъ было около 13,000. На сколько эти цифры справедливы — вѣдомо одному Аллаху. Тотчасъ послѣ обѣда я пошелъ въ траншеи, уже имѣя на то приказаніе, и тогда только узналъ, что въ этотъ же день назначенъ штурмъ Андійскаго редута, чего я не ожидалъ. Въ центральной траншеѣ было такъ тѣсно, что съ трудомъ можно было пройти. Впрочемъ, день этотъ считался праздничнымъ, потому что траншейныя работы прекратились: всѣ были спокойны, всѣ оставались въ безмолвномъ ожиданіи чего-то необыкновеннаго.

Любопытство заставляло меня искать удобнаго мѣста для осмотра аула и редута. Большая часть бойницъ, образованныхъ изъ мѣшковъ съ землею или изъ дернинъ, была занята стрѣлками. Я считалъ возможнымъ посмотрѣть и черезъ верхъ траншеи, но вскорѣ убѣдился въ неудобствѣ такого рода наблюденій: лишь только папахъ моя показалась на гребнѣ траншеи, въ ту же минуту просвистала пуля и упала въ трехъ шагахъ отъ меня, ударившись о камень. Пуля была штуцерная. Послѣ этого предостереженія я сталъ осторожнѣе, одна-

ко могъ ясно рассмотреть печальное положеніе непріятельскаго редута: нѣсколько туровъ было свалено, на другихъ образовались большія пробоины, въ двухъ мѣстахъ замѣтны были значительные обвалы. Несчастный редутъ, казалось, былъ оставленъ безъ всякой защиты: не было даже признаковъ живаго существа; единственное движеніе происходило отъ разрыва бомбъ и гранатъ. Рѣзкій и короткій звукъ полета ядеръ и ихъ удара въ цѣль слышался безпрестанно. Артиллеристы наши дѣятельно и съ полнымъ успѣхомъ наводили орудія, раскраснѣвшись отъ увлеченія и ревности въ исполненіи своихъ обязанностей.

— Организмъ нашей арміи въ полной исправности, замѣтилъ Николай Ивановичъ.—Артиллеристы работаютъ, инженеры отдыхаютъ, солдаты хранятъ многознаменательное молчаніе.

— Вотъ эта-то правильность въ организаціи войска и служить залогомъ успѣха въ дѣйствіи, сказалъ одинъ нашъ знакомыхъ, имѣвшій дурную привычку выражаться изысканно.

— Какая тутъ правильность организаціи! возразилъ я, указывая на осколокъ гранаты, упавшей на сосѣдній камень.—Гдѣ правильность, когда наши же гранаты летятъ на наши головы!...

Но краснорѣчиваго знакомаго уже не было, а мы подошли къ группѣ новыхъ лицъ, наблюдавшихъ непріятельскіе редуты въ бинокль и считавшихъ избранное ими мѣсто безопаснымъ. Пробывъ здѣсь съ полчаса, мы пошли далѣе, къ лѣвофланговой траншеѣ, ближайшей къ Андійскому редуту, какъ бы предчувствуя, что отсюда будетъ направлена штурмовая колонна. Такъ и случилось.

Все было готово.... Но предъ рѣшительнымъ моментомъ усилили дѣйствіе артилеріи до такой степени, что стрѣляли залпами изъ отдѣльныхъ батарей, что производило дивный эффектъ и раздирающій уши звукъ. Это служило признакомъ скорой атаки, и потому все замѣтно воодушевилось. Всѣ глаза были устремлены на крѣпость, откуда долженъ былъ послѣдовать сигналъ приступа. Наконецъ взвилась вѣстовая ракета.... Было шесть часовъ пополудни.

Орудія были немедленно направлены на аулъ, штурмовая колонна молча пошла къ редуту. Чудная картина!... Вотъ наши стрѣлки подходятъ къ завалу, примыкаютъ нѣсколько вправо и съ крикомъ „ура!“ бросаются на стѣны. Только въ этотъ

моментъ непріятель обнаружилъ признаки жизни, какъ въ атакованномъ укрѣпленіи, такъ и въ другихъ, и въ аулѣ, открывъ сильный огонь изъ ружей и изъ пушки. Последняя находилась во второмъ укрѣпленіи, а потому выстрѣлы изъ нея вскорѣ были направлены на первое, уже занятое нами, но, не попадая въ цѣль, пролетали надъ нашими головами. Одновременно слышали мы перестрѣлку изъ правофланговой траншеи и изъ аула, на который, какъ въ послѣдствіи мы узнали, была направлена ложная атака. Такимъ образомъ, были пущены въ ходъ всѣ пружины дѣйствія съ той и другой стороны и образовали хаосъ, неопредѣленное состояніе, выхода изъ котораго еще нельзя было предвидѣть. Потребовали резервъ, что тогда намъ могло показаться неустойкой съ нашей стороны, но потомъ обстоятельство это объяснилось необходимостію привести въ надлежащее положеніе занятый и весьма поврежденный редутъ. Между тѣмъ, вечерѣло, а стрѣльба съ обѣихъ сторонъ не прекращалась.

Но вотъ, среди всѣхъ утомительныхъ звуковъ, на Андійскомъ редутѣ музыка заиграла гимнъ „Боже, царя храни!“... То была торжественная минута, въ которую рѣдкій изъ насъ не помолился отъ чистаго сердца и не сказалъ внутренно: „Боже, царя храни!“

Часовъ до восьми продолжалась перестрѣлка, постепенно ослабѣвая; звуки музыки и пѣсенъ съ Андійскаго редута становились веселѣе. Полетъ бомбъ обозначался огненною линіею. Вошла луна и освѣтила картину, трудно-доступную для описанія, но поразительно-памятную для очевидцевъ.

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ удачно; но въ тотъ вечеръ, возвратившись въ лагерь, мы еще не могли предполагать, что это былъ и окончательный относительно сильно-укрѣпленнаго аула и нѣсколькихъ обороняющихъ его редутовъ. Такъ какъ занятый редутъ составлялъ ключъ позиціи, то защитники Веденя признали бесполезнымъ продолжать оборону, и потому ночью отступили, взявъ съ собою все что было можно.

Отступление горцевъ сопровождалось великолѣпною иллюминаціею, какую не всякому доводится видѣть. Во-первыхъ, непріятель зажегъ домъ Шамиля и часть аула—зрѣлище для насъ утѣшительное; во-вторыхъ, по отлогости горы, отъ подошвы до вершины ея, были разложены многочисленные костры, ярко озарявшіе окрестную мѣстность. Какъ будто для увеличенія

эффекта этой драматической картины, приказано было пустить нѣсколько бомбъ среди огней, что доставило наблюдателямъ особенное удовольствіе, такъ какъ линія полета снарядовъ была ясно видима, и потому можно было судить о результатахъ дѣйствія нашей артиллеріи.

На другой день мы услышали пріятную вѣсть объ отступленіи горцевъ со всѣхъ занятыхъ ими пунктовъ. Немедленно всякій, кто могъ располагать своимъ временемъ, отправился осматривать аулъ и укрѣпленія. Результатъ общихъ наблюденій былъ слѣдующій: вездѣ нечистота, грязь, неправильность въ расположеніи укрѣпленій, соединенная, впрочемъ, съ удивительною прочностію, и особенный, азіятскій запахъ.

— Да насъ отсюда бы и въ два года не выгнали, говорили солдаты, осматривавшіе аулъ и его оборонительныя постройки.

Многіе дома горѣли, и отъ зданій Шамиля остался только флигель безъ крыши. Изъ живыхъ существъ въ аулѣ попадались однѣ кошки, пугливо перебѣгавшія отъ однѣхъ дверей къ другимъ.

Черезъ нѣсколько дней ничего не осталось отъ грязнаго аула и редутовъ, какъ равно и отъ нашихъ траншей, кромѣ темныхъ слѣдовъ, отличавшихъ эти мѣста отъ зеленѣющей окрестности....

Такъ кончилъ свое существованіе знаменитый на Кавказѣ аулъ Ведень. Тѣмъ окончилась и зимняя экспедиція 1859 года.

И. ШАВАНОВЪ.